

Содержание:

image not found or type unknown

ВВЕДЕНИЕ

Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» вошел в историю русской литературы как яркое, значительное произведение, раскрывающее трагедию донского казачества в годы революции и гражданской войны. Эпопея вмещает в себя целое десятилетие – с 1912 по 1922 год.

Язык романа-эпопеи «Тихий Дон» самобытен и уникален. Детально воспроизведенный быт, любовное описание донской природы, которая воспринимается как полноправное действующее лицо романа, меткая образная речь, искрящаяся юмором, позволяют читателю ощутить казачий уклад, понять суть тех традиций, которые исстари определяли жизнь казака.

Исследованию литературного стиля Шолохова посвящено много работ, но использование в романе «Тихий Дон» фразеологизмов и слов-символов ранее не рассматривалось, что и определяет актуальность данной работы.

Цель работы – раскрыть значение фразеологизмов и слов-символов в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

На основании этой цели поставлены следующие задачи:

- Раскрыть основные сюжетные линии романа и охарактеризовать язык, которым он написан.
- Проанализировать фразеологизмы, используемые в романе.
- Разобрать слова-символы, применяемые в романе, и сравнить их со словами-символами России времен революции и Гражданской войны.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе рассматриваются основные идеи романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» и анализируется языковое содержание романа.

Во второй главе дается определение фразеологизмов и слов-символов, подробно описываются их типы и виды. На основании этого анализа характеризуются фразеологизмы и слова-символы, используемые в романе.

В заключении подводятся итоги и делаются выводы по теме работы.

1. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» посвящен теме гражданской войны, развернувшейся на донской земле. Здесь нашли глубокое и всестороннее отображение и своеобразный уклад жизни казаков, и их традиции, культура, быт, язык, и неповторимая донская природа.

По масштабности произведение Шолохова напоминает «Войну и мир» Л. Н. Толстого, развивает толстовские традиции в литературе двадцатого века и по праву, как и роман Толстого, носит название эпопеи.

В «Тихом Доне» проявляются все черты эпопеи как масштабного эпического произведения, поскольку в романе соединяются объективное начало – картины исторических событий героико-трагического характера (первая мировая и гражданская война) – и субъективное начало – жизнь частного, вымышленного человека.

В эпопее изображена история казачества в течение бурного десятилетия с 1912 по 1922 год. Начало романа рисует быт и нравы казачьей станицы в канун первой мировой войны, вводя читателей в мир интимных, личных проблем героев.

Главные герои шолоховского романа – люди с яркими индивидуальными характерами, сильными страстями, непростыми судьбами. Основное внимание писателя сосредоточено на нескольких семьях: Мелеховых, Коршуновых, Кошевых. История этих разных по своему имущественному положению семей воспроизводит судьбу всего казачества в период бурного десятилетия, позволяет понять причины идеологических разногласий, которые разъединяют бывших друзей Григория

Мелехова и Михаила Кошевого, приводя их во враждующие политические лагеря. Бедняк Мишка Кошевой, которому нечего терять и не за что держаться, проникается политическими взглядами большевиков. Он в отличие от Григория не знает сомнений и колебаний. Идея справедливости, равенства и братства, воплощенная в будущем коммунистическом обществе, настолько завладевает Кошевым, что оказывается выше дружбы, привязанности, любви, родственных отношений. Несмотря на то, что Григорий – его старый друг и брат его жены, Дуняшки, он настаивает на его аресте. Сватаясь к Дуняшке, он не обращает никакого внимания на гнев Ильиничны, хотя расстрелял ее сына Петра. Чувствуется желание Шолохова как-то возвысить и опозитизировать образ представителя «самой передовой идеологии». С этой целью он описывает Мишку, работающего отарщиком, как человека, потрясенного окружающим привольем и красотой, отдыхающего от пережитого. Но этот эмоциональный порыв быстро подавляется размышлениями о его долге большевика, оказавшегося на какое-то время вне классовой борьбы. «Там люди свою и чужую судьбу решают, а я кобылок пасу. Как же так? Уходить надо, а то засосет», – рассуждает он.

Несмотря на сугубо узкую и конкретную задачу – показать казачество в революции, Шолохов-художник одержал победу над Шолоховым-политиком. То, в чем советские литературоведы видели идейную слабость романа, оказалось его наивысшим достижением. Будучи советским писателем, Шолохов, безусловно, должен был в своем эпическом повествовании показать торжество коммунистической идеологии, ведущей народ в прекрасное завтра при помощи насилия. Но жизнь, отраженная в романе, оказалась гораздо сложнее, запутаннее, противоречивее. Ее палитра отнюдь не ограничивалась двумя цветами – красным и белым. И то, что самый яркий, сильный и привлекательный герой романа – «несознательный» середняк Григорий Мелехов – глубоко чувствует и понимает эту истину, но в сложнейших условиях не может найти выхода из нравственного тупика, делает его трагически сложной личностью. Его образ вошел в историю отечественной литературы как Онегин Пушкина, Печорин Лермонтова, Базаров Тургенева, ибо в нем соединились лучшие типичные качества донского казачества в годы войн и потрясений начала XX века, его судьба отразила трагедию миллионов, захваченных грозной революционной стихией.

Подобно Юрию Живаго, сомневающемуся и безвольному герою пастернаковского романа, Григорий Мелехов служит то у красных, то у белых. Так, в конце января 1918 года он в рядах Красной гвардии сражается против Каледина, а затем полгода воюет против красных в составе Всевеликого войска Донского,

подчиняющегося генералу Краснову, а в конце зимы 1920/21 годов уходит в банду Фомина. Почему же Григорий Мелехов не может сделать окончательный выбор, к которому упорно толкают его жизненные обстоятельства? Из-за несознательности? Отсутствия воли? Нет, Григорий – храбрый, отважный воин, человек чести и долга. Он искренен, благороден, великодушен, способен к сильным и глубоким чувствам. Его природная наблюдательность, цепкий крестьянский ум, ясность мысли помогают увидеть то несправедливое, злое, жестокое, чего было в избытке по обе стороны баррикад, и с чем он не мог примириться. Ему отвратительно зверское убийство председателем Донревкома Федором Подтелковым офицеров под Глубокой. Он не находит себе места от гнева и возмущения, когда казаки в армии жестоко унижают женщину. Его гордость оскорбляют презрительные слова белогвардейского полковника Георгидзе о народе как о хаме. С омерзением относится Григорий к грабежам, к расправам над пленными. Он упорно пытается разобраться в происходящих событиях, понять те силы, которые стали управлять жизнью, не удовлетворяясь чеканными фразами лозунгов. В результате изнурительных метаний между белыми и красными Григорий приходит к выводу, что «неправильный у жизни ход». И белые генералы, видящие смысл своей борьбы в восстановлении монархии, и фанатики-большевики, одержимые идеей установления казарменного коммунизма, для достижения своих целей используют одно и то же средство – насилие, истребление несогласных, не видя никакой возможности для мирного, бескровного урегулирования всех спорных вопросов.

Такая политика рождает новые и новые волны зверств, жестокость, опустошает души людей, отрывая их от всего того, что составляет смысл и ценность бытия. Это прекрасно ощущает Григорий, который вынужден всю жизнь проводить в чужой «далекой стране» ненависти и смерти, с отвращением обнаруживая, что становится убийцей, что весь его талант уходит на мастерство истребления людей. Его властно тянет к себе земля. Мирный труд в поле, на пашне противостоит стихии жестокости, олицетворяя животворное созидательное начало. Образ Григория Мелехова знаменует собой напряженный поиск той основы жизни, в которой соединятся и социальная справедливость, и личное счастье, он несет в себе глубину величайших прозрений, предугадывая грядущий крах экстремистских идей и торжество общечеловеческих гуманистических ценностей.

Во всех поступках этого героя проявляется здоровое нравственное начало, которое не позволяет ему впасть в крайности. Оно не дает Григорию бросить крепкое и налаженное хозяйство и семью, чтобы уехать с Аксиньей в город, где человеку, выросшему среди привольных степей, нечем дышать. Но этим же чувством

диктуется поступок Григория, прогнавшего с фронта собственного отца, приехавшего разжиться военными трофеями. Если Пантелей Прокофьевич озабочен только благосостоянием своей семьи, пытается отчаянно бороться за сохранность дома во время всеобщей разрухи, то Григорий хочет, чтобы лад был во всем казачьем мире. Может быть, поэтому призывы большевиков о равенстве и справедливости сначала находят отклик в его душе. Но он довольно быстро разглядел узость и безосновательность коммунистических лозунгов, которые к тому же сопровождались жестоким истреблением инакомыслящих, подавлением свободной, смелой творческой мысли.

К чему же приводит автор своего героя после его «хождения по мукам»? Путь Григория Мелехова – это возврат к вечным естественным человеческим ценностям: к радости семьи, к мирному труду, к могучей стихии любви. Только прекрасное, возвышенное чувство к Аксинье уцелело в жизни Григория, осталось его единственным богатством. Но гибель женщины, связанной с ним тончайшими духовными нитями, лишает героя надежд на счастье. Отныне единственным негаснущим огоньком станет для Григория его сын Мишатка, которого он поднимает на руках в финале романа, чтобы затем навсегда проститься с ним.

Шолохов поднимает на общечеловеческую высоту страдания яркой, сильной, незаурядной личности, которая в смутное, жестокое время все-таки приходит к самой гуманной жизненной философии, борясь и с несовершенством старого нравственного уклада, и с антигуманными нормами новой жизни. Оказавшись в меньшинстве, как и все свободное, талантливое, совестливое в те годы, Григорий, тем не менее, всей жизнью своей утверждает доброту, любовь, милосердие, мудрость, свойственные русскому народу.

Итак, судьба Григория Мелехова трагична, но это не трагедия исторического заблуждения и не трагедия отщепенства, а типичная трагедия человека XX «железного» века, «века-волкодава», разрушающего гуманные основы жизни и человеческой натуры. И если в судьбе народа эти добрые основы жизни нерушимы, то судьба конкретного человека, попавшего в жернова истории, может обернуться личной катастрофой. Судьба человечества и личности, народа, страны и отдельного человека воплощена Шолоховым в романе. Историческая трагедия шолоховского героя словно призывает людей к сохранению общечеловеческих ценностей, отказу от насилия и кровопролития, к единению с народной жизнью и жизнью природы, потому что в своей основе они мудры и истинны.

Шолохов – непревзойденный мастер художественного слова, умело использует тот язык, которым говорит казачество. Перед читателем зримо встают и главные герои, и эпизодические персонажи. Пейзажные зарисовки свидетельствуют о страстной влюбленности художника в природу Донского края. Пейзаж очеловечен, он выполняет самые различные идейно-художественные функции; помогает раскрыть чувства, настроения героев, передать их отношение к происходящим событиям.

Вслушаемся в хорал шолоховского текста. Вот как он передает состояние героя, лишившегося всего, кроме наслаждения теми радостями, которые дарит человеку природа, чувство некоего мистического единения с ней. Мелехов любил «смотреть на разметавшуюся у берега, бешено клокочущую быстрину, слушать разноголосый шум воды и ни о чем не думать, стараться не думать ни о чем, что причиняет страдания. Григорий часами смотрел на прихотливые и бесконечно разнообразные завитки течения. Они меняли форму ежеминутно: там, где недавно шла ровная струя, неся на поверхности побитые стебли камыша, мятые листья и корневища трав, – через минуты рождалась причудливо изогнутая воронка, жадно всасывавшая все, что проплывало мимо нее, а спустя немного на месте воронки уже вскипала и выворачивалась мутными клубами вода, извергая на поверхность то почерневший корень осоки, то распластаный дубовый лист, то неведомо откуда принесенный пучок соломы. Вечерами горели на западе вишнево-красные зори. Из-за высокого тополя вставал месяц. Свет его белым холодным пламенем растекался по Дону, играя отблесками и черными переливами там, где ветер зыбил воду легкой рябью. По ночам, сливаясь с шумом воды, так же неумолчно звучали над островом голоса пролетающих на север бесчисленных гусиных стай. Никем не тревожимые птицы часто садились за островом, с восточной стороны его. В тиховодье, в затопленном лесу призывно трещали чирковые селезни, крякали утки, тихо гоготали, перекликались казарки и гуси. А однажды, бесшумно подойдя к берегу, Григорий увидел неподалеку от острова большую стаю лебедей. Еще не всходило солнце. За дальней грядиной леса ярко полыхала заря. Отражая свет ее, вода казалась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, повернувшие гордые головы на восход»... Что тут, казалось бы, есть, кроме переживаний в сочетании с пространственным и эмоциональным единством да слияния дыхания природы с настроением затерянного в ней страдающего человека? Но движение живых стихий – это частица Вселенной, символ обновляющегося бытия, а чувство отчаяния, как небо, бесконечно и ни с чем не сравнимо. Отсюда ощущение возвышенности над всем обыкновенным и привычным. Порою художник достигает невероятного – он

растворяет границы реального, вторгаясь во владения ирреального. По таким законам живет великое искусство, «природу которого нельзя понять до конца» (Гете).

Умело использованы в романе произведения народного творчества: пословицы, поговорки, побаски, песни. Они передают настроение, чувства, переживания народа, отражают эстетический мир героев. Произведения народного творчества, особенно песни, раскрывают философскую глубину эпопеи. Эпиграфами к первой и третьей книгам романа служат старинные казачьи песни. Важную роль играют в романе фразеологизмы, особенно просторечные. Подробно использование в романе слов-фразеологизмов будет рассмотрено во второй главе.

Язык романа «Тихий Дон» Михаила Шолохова неординарен. Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечия. Используются они не только для обозначения бытовых реалий («майдан», «баз», «курень», «жалмерка» и т.п.), но значительно шире: и реплики персонажей, и авторский описания, частично изложены на диалекте («гутарили про него на хутору чудное ...»). Кроме того, экспрессивность текста значительно повышается благодаря частому (по два-три раза на страницу) появлению эмоциональных морфологических производных: «непролазь», «кleshнятый», «заосенять». Такое пристрастие к диалектизмам может диктоваться как происхождением самого Шолохова, так и его желанием полнее погрузить читателя в мир донского казачества.

Следующая особенность стиля «Тихого Дона» – это его высокая метафоричность. Причем метафоры слабо организованны или неотобранные: они не выстраиваются в смысловой ряд, ассоциации носят локальный, дробный характер. Особенно нагружены метафорами пейзажи, картины природных явлений. Неоднородность образного ряда можно показать на примере описания грозы, разворачивающегося в пределах полутора страниц: сначала «первые зерна дождя заседали отягощенную внешней жарой землю», затем «над самой крышей лопнул гром, осколки покатались за Дон», и, наконец, «дождь царапал ставни». В результате впечатление динамики процесса достигнуто, но образы не построены по аналогии, они ситуативные, принадлежат каждой конкретной фразе. При всем при этом метафоры Шолохова весьма оригинальны, некоторые из них сделали бы честь большому поэту. Многие сейчас уже затерты подражаниями («полынная просесть», «под уклон сползавших годков»), но в то время это было новое веяние.

Объяснением вышесказанного может быть молодость и неопытность талантливого писателя по началу и его нежелание менять устоявшийся стиль затем.

С перегруженностью метафорами – по контрасту – сочетается прозрачность и простота синтаксиса. Текст написан короткими предложениями, преимущественно простыми. Когда описываются некоторые действия, то каждой фазе соответствует свое предложение. Ярким примером служит следующий отрывок: «Перед светом привезли старика домой. Он жалобно мычал, шарил по горнице глазами, отыскивая спрятавшуюся Аксиныю. Из оторванного уха его катилась на подушку кровь. Вечеру он помер. Людам сказали, что пьяный упал с арбы и разбился». Короткие предложения не дают читателю оторваться, держат его в постоянном напряжении. Изредка появляются деепричастные обороты: без них текст был бы слишком сух. Неосложненные предложения, возможно, на уровне подсознания еще раз подчеркивают простоту нравов казаков. Это подтверждается и тем, что степень сложности синтаксиса зависит от тематики эпизода. Обычно усложнение происходит в главах с выраженной лирической тональностью, тогда как простые синтаксические конструкции чаще присутствуют в изобразительных главах.

Отметим символичность романа. В части 6 Шолохов пишет: «Вечерами из-за копий голого леса ночь поднимала калено-красный огромный щит месяца. Он мглисто сиял над притихшими хуторами кровавыми отсветами войны и пожарищ. И от его нещадного, немеркнувшего света рождалась у людей невнятная тревога, нудился скот <...> К заре заморозок ледком оковывал мокрые ветви деревьев. Ветром сталкивало их, и они звенели как стальные стремяна. Будто конная невидимая рать шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая оружием и стремянами». Страшные природные знамения: калено-красный огромный щит месяца, оледенение веток, будто невидимая конная рать идет другим берегом Дона, – все это предчувствие прихода большевиков, напоминающее ожидание страшной братоубийственной войны в романе Сенкевича «Огнем и мечом». (Сравним также с началом «Белой гвардии» М. Булгакова «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918...»).

Еще одной особенностью языка «Тихого Дона» является сравнение человека с животными, не только в физическом, но и в духовном плане. Речь идет не просто о прямых сравнениях («шел Степан под гору, как лошадь, понесшая седака»), но и о детализации описаний, когда у читателя возникает впечатление схожести со зверем, просто от изображения действия: «когда поворачивает Григорий голову, носом втыкаясь Аксиныи в подмышку», «Аксиныя, вихляя все своим крупным, полным телом, пошла навстречу». К тому же, имеющиеся в романе сравнения с животными не пусты. Когда написано «так кидает себе волк на хребтину зарезанную овцу», персонажи действительно ведут себя так, двигаясь в

соответствии с повадками упомянутых зверей. Такие сравнения показывают иногда исподволь, а иногда и явно близость героев и природы, которая является для Шолохова символом продолжения жизни.

О мастерстве Шолохова можно говорить бесконечно. В его шедеврах многое поражает, а равно и привлекает наше внимание – это благородная глубина замысла, свежесть образного содержания, четкость художественного мирозерцания. Восхищает и легкость исполнения, что воспринимается как акт, в коем, по словам Моцарта, общий замысел осуществляется одновременно, в целом, прежде и после. Это невозможно объяснить словами, как нельзя описать Вселенную, безмолвно шевелящуюся и беспредельную.

2. РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ

Фразеологическим оборотом, или фразеологизмом, называются семантически неделимые словосочетания, которым свойственно постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и определенной оценочности. Они являются объектом изучения особого раздела языкознания – фразеологии. Нередко фразеологией называют весь фразеологический состав языка, т.е. совокупность всех лексически неделимых словосочетаний.

Фразеология русского языка включает в себя самые разнообразные речевые средства, и до сих пор границы ее четко не определены.

В современной лингвистической литературе определилось два основных направления в решении этой проблемы.

Представители одного направления (Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, А.Г. Руднев и др.) к фразеологическим относят только такие эквивалентные слову семантические единицы более сложного порядка, которым присущи семантическое обновление и метафоризация. Из области фразеологии исключаются пословицы, поговорки, многие цитаты и почти все сложные термины, т.е. все те словосочетания, которые не превратились еще в лексически неделимые обороты, не получили переносно-обобщенного значения, не стали метафорическими сочетаниями.

Иного мнения придерживаются такие ученые, как Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.И. Ефимов, Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский, В.Л.

Архангельский и др. Наряду с собственно фразеологическими оборотами во фразеологию они включают пословично-поговорочные выражения, цитаты, ставшие крылатыми выражениями, сложные термины. Подобные обороты называют фразеологическими выражениями (Н.М. Шанский).

В.В. Виноградов в одной из первых работ по фразеологии («Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины», 1946) в составе фразеологических оборотов рассматривал пословицы и поговорки, относя их к группе фразеологических единств. В последующих работах («Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», 1947; «Русский язык: Грамматическое учение о слове», 1947) пословицы и поговорки уже не включаются в состав фразеологии.

Фразеологизмы, как и слова, могут быть и однозначными (их большинство) и многозначными. С многозначностью фразеологических оборотов тесно связана их синонимия. Во фразеологическом составе имеются и фразеологизмы-антонимы, функции которых сходны с синонимическими оборотами. По значению и структуре антонимичные фразеологизмы чаще всего возникают в результате замены одного из компонентов на семантически соотносительный антоним.

Язык романа «Тихий Дон» – живой, народный, казачий не может обойтись без фразеологизмов. Шолохов очень точно передает язык и манеру разговора различных социальных групп, изображенных в романе. Фразеологизмами насыщена речь казаков, в то время как другие персонажи, изображенные в романе-эпопее (красные, белые, представители интеллигенции) говорят, по большей части правильным литературным языком. При этом в романе встречаются как фразеологизмы («давнишний сказ»), так и фразеологические обороты («Аника воин»).

По степени лексической неделимости и грамматического слияния составляющих частей многие исследователи вслед за акад. В.В. Виноградовым выделяют следующие типы фразеологических оборотов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

В особую группу следует выделить некоторые цитаты, пословицы, поговорки и ряд терминологических словосочетаний, которые приобретают отдельные черты собственно фразеологизмов, например воспроизводимость в одном и том же составе и намечающуюся метафоричность. Такие обороты называются фразеологизированными, они постепенно переходят в ту или иную группу

собственно фразеологизмов. (Заметим, что Н.М. Шанский называет их фразеологическими выражениями и включает в общий состав фразеологии.)

Фразеологическими сращениями называются такие лексически неделимые словосочетания, значение которых не определяется значением входящих в них отдельных слов. Таким образом, основным признаком фразеологического сращения является его лексическая неделимость, абсолютная семантическая спаянность, при которой значение целого оборота не может быть выведено из значения составляющих его слов.

Семантически сращение в большинстве случаев оказывается эквивалентом слова («своеобразным синтаксически составным словом», по терминологии акад. В.В. Виноградова). Синтаксически фразеологические сращения выступают в роли единого члена предложения. Фразеологические сращения встречаются в романе нечасто (например, «давнишний сказ»).

Фразеологическими единствами называются такие лексически неделимые обороты, общее значение которых в какой-то мере мотивировано переносным значением слов, составляющих данный оборот.

Образность, присущая в той или иной мере фразеологизмам всех типов, является результатом употребления отдельных слов, составляющих фразеологизмы, в переносном значении. Однако не все типы устойчивых сочетаний обладают одинаковой образностью, и далеко не в каждом из них эта образность может быть соотнесена со значением отдельных компонентов и мотивирована. Так, образность фразеологических сращений является потухшей, уже немотивированной и совершенно независимой от значения составных элементов. В отличие от сращений фразеологические единства «обладают свойством потенциальной образности». Именно это обстоятельство позволяет некоторым ученым (Б.А. Ларин, А.Г. Руднев) обороты подобного типа называть метафорическими сочетаниями. Образность фразеологических единств отличает их не только от сращений, но и от свободных словосочетаний, омонимичных по оформлению.

Лексический состав фразеологических единств неделим. Это сближает их с группой сращений. Но в отличие от сращений части фразеологических единств могут быть отделены друг от друга вставкой каких-то слов.

Грамматические формы и синтаксический строй фразеологических единств строго определены, но, как правило, объяснимы и мотивированы существующими в современном языке формами и связями. Замена слов в составе единства, а также

подстановка синонима приводит или к разрушению образности, присущей данному обороту, или к изменению его экспрессивного смысла. Это создает благоприятные условия для индивидуального стилистического обновления единств в речи, что широко используется в художественной литературе. По степени лексической неделимости компонентов к фразеологическим единствам примыкают и те составные термины, которые в процессе употребления получили обобщенно-переносное значение.

Фразеологические единства также встречаются в романе (например, «влепилась, как репей в свинячий хвост»).

Фразеологическими сочетаниями называются такие устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов. Слова в составе фразеологического сочетания сохраняют относительную семантическую самостоятельность, однако являются несвободными и проявляют свое значение лишь в соединении с определенным, замкнутым кругом слов. Следовательно, один из членов фразеологического сочетания оказывается более устойчивым и даже постоянным, другой – переменным. Наличие постоянных и переменных членов в сочетании заметно отличает их от срощений и единств. Значение постоянных членов (компонентов) является фразеологически связанным.

От фразеологических срощений и единств фразеологические сочетания отличаются тем, что не являются абсолютно лексически неделимыми. Несмотря на фразеологическую замкнутость оборотов данного типа, даже лексически несвободные компоненты без ущерба для общего фразеологического значения могут быть заменены синонимом.

Синтаксические связи слов в подобных оборотах соответствуют существующим нормам, по которым создаются и свободные словосочетания. Однако в отличие от последних эти связи устойчивы, неразложимы и всегда воспроизводятся в одном и том же виде, семантически присущем тому или иному фразеологизму.

Фразеологические сочетания – достаточно многочисленная по составу и весьма распространенная по употреблению группа. Больше всего их и в романе Шолохова «Тихий Дон»

От собственно фразеологических условно могут быть отделены так называемые фразеологизированные обороты (или выражения), которые обладают не всеми различительными признаками фразеологизмов, а лишь частью из них: воспроизводимостью в готовом виде и (в той или иной мере) образностью. Однако

слова в них остаются семантически полноценными. К таким выражениям относятся, например, отдельные цитаты, часть пословиц, ряд терминологических сочетаний. Все они приобрели некую метафоричность, которая все-таки полностью выводится из составляющих такие выражения слов. Так, фразеологизированные цитаты приобретают обобщенно-образный смысл, практически оторванный от первоначального контекста.

В романе Шолохова «Тихий Дон» можно встретить много фразеологизированных оборотов, при этом часто происходит формоизменение пословиц. («Паны дерутся у холопов чубы трясутся»; вместо «паны дерутся у холопов чубы трещат». «На чужой роток нечего накидывать платок», вместо «на чужой роток не накинешь платок». «Укатали сивку», вместо «укатали сивку крутые горки». «К куме на крестины», вместо «к теще на блины». «Угоняешься за длинным рублем», вместо «гонишься за длинным рублем». «Калмык да татарин – первые люди в степи». «На кудыкино поле» вместо «на кудыкину гору»).

В романе встречается множество просторечных фразеологизмов и фразеологизированных оборотов («сучка не захочет, кобель не вскочит», «кобелина приبلудный», «ядрена-матрена», «сукин сын»).

По своему строению и по грамматическому составу фразеология современного русского языка неоднородна.

По структуре все обороты делятся на две большие группы:

1. Фразеологические обороты, имеющие форму самостоятельного предложения.

В роли предложений чаще всего выступают фразеологизированные выражения, имеющие, как правило, синтаксически законченную форму.

Нередко для этой цели используются и разнообразные обороты разговорно-бытовой речи.

Фразеологические обороты, имеющие форму самостоятельного предложения можно часто встретить в романе «Тихий Дон» (например, «влепилась, как репей в свинячий хвост», «разъелся на казенных харчах»).

2. Фразеологические обороты, имеющие форму словосочетания («сукин сын»).

По грамматическому составу среди фразеологических единиц выделяется несколько наиболее типичных разновидностей:

- а) обороты, являющиеся сочетанием прилагательного и существительного;
- б) обороты, являющиеся сочетанием существительного в им. падеже с существительным в род. падеже;
- в) обороты, состоящие из существительного в им. падеже и существительного с предлогом;
- г) обороты, состоящие из предлога, прилагательного и существительного;
- д) обороты, являющиеся сочетанием глагола с именем существительным;
- е) обороты, состоящие из глагола и наречия;
- ж) обороты, состоящие из деепричастия и существительного.

Указанные группы не охватывают всего многообразия лексико-грамматического состава фразеологизмов и фразеологизированных выражений.

Основу русской фразеологии составляют исконные обороты, т.е. общеславянские (праславянские), восточнославянские (древнерусские) и собственно русские.

К общеславянским относятся, например: «братъ (взять) за живое»; «(дать) березовой каши»; «держатъ взаперти»; «задать баню»; «дать (задать) трепака»; «как у Христа (Бога) за пазухой»; «ни рыба ни мясо»; «клевать носом»; «повесить нос»; «один как перст» и др.

К восточнославянским относятся обороты: «без царя в голове» (и антонимичный «с царем в голове»); «глухая тетеря»; «медвежий угол»; «ни кола ни двора»; «при царе Горохе»; «собачий холод»; «точить лясы» и др.

Собственно русскими является большинство фразеологизмов, например: «высунув язык»; «выставить на позор»; «выходить из терпения»; «губа не дура»; «держатъ язык за зубами»; «жить припеваючи»; «за милую душу»; «зеленая улица»; «злоба дня»; «зубы заговаривать»; «и бровью не ведет»; «и дешево и сердито»; «идти напропалую»; «из кулька в рогожку»; «икру метать»; «казанская сирота»; «как будто в воду глядел»; «коломенская верста»; «комар носа не подточит»; «косая сажень»; «лакомый кусочек»; «ломать копья»; «мал золотник, да дорог»; «мелкая сошка»; «на воре шапка горит»; «на лбу написано»; «на стенку лезть»; «небо коптить»; «ни зги не видно»; «ободрать как липку»; «одним миром мазаны»; «подлинная правда»; «положить под сукно»; «разводить бодягу»; «сгореть дотла»;

«спустя рукава»; «тертый калач»; «тихой сапой»; «тянуть ляжку»; «через пень колоду»; «шапочное знакомство» и др.

Собственно русская фразеология пополнялась за счет профессионализмов: «дать задний ход»; «играть первую скрипку»; «пускать пары»; «тянуть канитель»; «топорная работа»; «холостой выстрел» и т.д.; жаргонно-арготических оборотов: «выйти из игры»; «дело – табак»; «карта бита»; «пиковое положение»; «втереть очки» и др.; диалектных выражений: «из кулька в рогожку»; «не солоно хлебавши»; «попасть в переплет»; «не мытьем так катаньем» и пр.

Немало собственно русских фразеологизированных выражений уходят корнями в художественную литературу.

Словосочетания по происхождению могут быть и заимствованными из других языков.

Большую группу оборотов составляют так называемые фразеологические кальки и полукальки, т.е. выражения, являющиеся дословным (или почти дословным) переводом иноязычных фразеологизмов, пословиц, поговорок. Особую группу составляют афоризмы из античной литературы, цитаты из литературы разных народов, а также изречения, приписываемые выдающимся зарубежным ученым, общественным деятелям.

В романе преобладают исконные обороты. Обороты, заимствованные из других языков, практически не встречаются.

Функционально-стилевая классификация фразеологизмов имеет большое значение, так как помогает наметить возможные сферы их использования. Этой же цели служит понимание экспрессивно-стилистического их значения.

На фоне рассмотренных фразеологизмов выделяются две основные функционально-стилевые разновидности оборотов: разговорные и книжные, каждая из которых дополнительно характеризуется экспрессивно-стилистической окрашенностью.

В разговорном стиле самое большое количество фразеологизмов составляют разговорно-бытовые обороты и фразеологизированные обороты. Они характеризуются большей образностью, нередко имеют несколько стилистически сниженную окраску (шутливую, шутливо-ласковую, а также ироническую, фамильярную). К ним примыкают по функционально-стилевым и собственно

стилистическим свойствам многие фразеологизированные выражения, особенно пословично-поговорочного типа. Разговорные фразеологизмы все чаще употребляются в некоторых стилях книжной речи, например в публицистике, в языке художественной литературы, как одно из средств речевой характеристики персонажей.

От фразеологии разговорно-бытовой следует отличать обороты, стоящие за пределами литературного языка. Сюда относятся словосочетания грубо просторечного характера и бранные обороты.

В романе-эпопее «Тихий Дон» преобладают разговорно-бытовые обороты, а также обороты грубо просторечного характера и бранные обороты («блужаю, как метель в степи», «родом откеда»).

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВ-СИМВОЛОВ ПЕРСОНАЖАМИ РОМАНА

Если какое-то слово подается всегда с определенной эмоциональной окраской, причем встречается достаточно часто, оно становится словом-символом. Хорошо известно, что отдельные идеологические системы резко отличаются по используемой лексике. Есть любимые слова и их простейшие сочетания у коммунистов, анархистов, консерваторов, лейбористов, социал-демократов и т.д.

Слова-символы, используемые в романе-эпопее Шолохова «Тихий Дон» отличаются в разных частях произведения. Вопреки традициям русской литературы 20-х годов изображать дореволюционную действительность как сплошное негативное явление, Шолохов, рисуя историю рода Мелеховых, изображает сильных, страстных, способных на истинные чувства, свободных людей, честных тружеников и мужественных воинов. Жизнь Прокофия Мелехова, его любовь к жене-турчанке, убийство обидчика жены, картины семейного быта и жизни станицы (ловля рыбы, конные состязания, песни, сватовство) соединяется с важнейшим для писателя мотивом – мотивом труда на земле, прекрасного, созидательного, плодотворного.

Слова-символы, встречающиеся в этой части романа, связаны с казаками и их жизнью. Можно сказать, что это казачьи слова-символы. Как и в любой общественной системе здесь присутствует разделение на «наших» (казаки,

станичники) и «ненаших» (мужики, хохлы, кацапы). (Символичен момент, когда во время драки на мельнице, Штокман доказывает казакам, что они – русские; на что следуют весьма враждебные высказывания в ответ, суть которых: мы – не русские, мы казаки).

Здоровое крестьянское начало для Шолохова неизменно привлекательно. Он поэтизирует труд, поэтизирует жизнь, с детства знакомую и любимую. Земля, единство человека с природой, любовь, продолжение рода, сохранение лучших традиций – вот те идеалы народной жизни, которые для писателя непреложны.

Всякое же отступление от этих законов грозит бедой и конкретному человеку, и народу в целом. Таким отступлением для писателя становится война 1914 года. Она врывается в роман, в судьбы его героев резко и тревожно, прерывая неспешное и благополучное течение жизни.

Известие о мобилизации приходит во время уборки жита, и тональность повествования сразу же меняется, спокойные домашние разговоры, переключки жнецов уступают место крикам, воплям, «гневному ржанию».

Кажется, сама земля не приемлет насилия и крови. В шолоховских описаниях мы видим, как конница топчет хлеб, как «колосья скорбно шуршат», как взрывают «лицо земли», как «земля ахнула». «Великое разрушение и мерзостная пустота», «безрадостно дикая жизнь» – вот как характеризует Шолохов события военного времени.

Ужасы войны мировой продолжаются в романе еще более страшными событиями войны гражданской. И вместе с изменениями жизненного уклада меняются и используемые в романе слова-символы.

Писатель показывает, что война (и мировая и гражданская) глубоко чужда народному духу. Эпизодические персонажи, обычные, ничем не примечательные люди (казак Яков Подкова, безымянный делегат казачьего съезда фронтовиков), словно воплощающие «глас народный», говорят о том, что нужно, «чтобы без войны было дело». И в противовес этому народному голосу, несущему великую мудрость жизни, мудрость исторического развития, выступают эгоцентрические, амбициозные представители борющихся политических партий – Корнилов, Каледин. Да и образы большевиков тоже не отличаются у Шолохова ни мудростью, ни гуманностью.

И происходит страшное – человеческая судьба вовлекается в исторический вихрь, гуманные по сути начала разрушаются, льется кровь. И нет ни правых, ни виноватых – в жестокости все равны. Красные грубо разгоняют Малый войсковой круг, ревтрибуналы судят и расстреливают казаков, в хуторах бесчинствуют пьяные красногвардейцы. И так же безжалостны казаки, так же грозны военно-полевые суды Войска Донского.

За время гражданской войны большевикам удалось разрушить прежние политические и социальные связи и начать создание новых. Немало помогли в этом новые символы, образы, новые понятия и термины, проникавшие в повседневную жизнь. Язык, политическая риторика стали одной из главных опор власти большевиков: их идеи выражались в лозунгах. Большевики не жалели слов для возвеличивания социальных групп, ставших теперь привилегированными, прежде всего – рабочих. К революционной лексике относились также следующие слова-символы: народ, Советы, Ленин (ленинский), революция, комиссариат, партия, Красная Армия, классовая борьба, класс, буржуазия, эксплуатация, пролетариат, социалистическая революция.

При этом исследование и сопоставление официальной партийной прессы и секретных, для внутреннего использования, докладов, обнаруженных в архивах, позволяет прийти к выводу, что язык большевиков явно раздваивался. Он делился на разные и чем дальше, тем больше расходившиеся языки. Можно сказать, что возникал внешний, публичный язык партии, особенно четко представленный партийными газетами, и внутренний язык засекреченных и строго конфиденциальных сообщений, не предназначенный для обнародования. Естественно, революция на публичном языке рисовалась как четкое поступательное движение, полное героических, пусть иногда и тревожных красок. Эта тенденция проявляется и в романе.

Были свои слова-символы и у белого движения. Во время Гражданской войны и военной интервенции для знамени Добровольческой армии на Юге России, выступившей во главе с генералом Л. Г. Корниловым в свой знаменитый Первый Кубанский поход, были взяты не императорские, а именно национальные цвета: белый-синий-красный. На знамени, по предложению Л. Г. Корнилова, было написано только одно слово – «Отечество». Это знамя стало символом Белой борьбы против большевистских узурпаторов власти в стране, которая в течение почти трех лет велась под лозунгом: «За Великую, Единую и Неделимую Россию».

Советские писатели использовали слова-символы только своей советской идеологической системы, в которой были «хорошие красные» и «плохие белые». Еще в 40-е гг. с помощью методов контент-анализа выяснилось, что в советской пропаганде выделяется несколько пластов, относительная значимость которых постоянно меняется. Исследователи выделили старую «либеральную» лексику, революционную, троцкистскую лексику «мировой революции», национальную.

Внимательно присматриваясь к «Тихому Дону», нетрудно заметить, что как новое явление литературы он не только представляет собой более сложный и противоречивый феномен в развитии художественного процесса, но одновременно расходится с принципами и нормами литературной теории, которая скорее пыталась подстроиться к нему, чем находила в его сочинениях подтверждение своим постулатам. Шолохов, по сути, отвергал главный принцип теории социалистического реализма, сводящийся к требованию изображать действительность не такой, какова она есть, а какой ее следует видеть.

Своим неукротимым новаторским духом, ослепительным блеском фантазии и потрясающей силой художественного мастерства он разрушал творческие и эстетические стереотипы, расшатывал прокрустово ложе идеологических предписаний и напрямик шел к истине. Советские писатели изображали всех большевиков, как положительных персонажей. Так думать стало незыблемым правилом для пишущих о революции, но не для Шолохова. Его комиссары («кожаные куртки») далеко не всегда выразители народных интересов – среди них встречались и жестокие, беспощадные деятели, ненавидящие простолюдинов. Это правда, которую не принимали многие, обвиняя романиста в извращении фактов и событий.

М.А. Шолохов умел смотреть на состояние мира с точки зрения широких масс и придать своим творениям поразительную эмоциональную силу и художественную глубину. И «красные» и «белые», выведенные в романе используют свои слова-символы. Вместе с появившимся в казачьем хуторе (и в романе) Штокманом в романе появляются слова «пролетариат», «революционная ситуация», «классовая борьба». После начала Первой мировой войны – «отечество», «родина». Вместе с революцией в роман приходят слова «совдеп», «ревком», «Учредительное собрание», «советская власть», «товарищ». «Красные» используют слова «коммунист», «комиссар», «контра». «Белые» – «Добровольческая армия». При этом в устах разных персонажей слова-символы несут и разную смысловую окраску. (Например, Григорий Мелехов так отзывается о комиссарах: «Комиссара видал, весь в кожу залез, и штаны, и тужурка, а другому и на ботинки кожи не хватает. Да

ить это год ихней власти прошел, а укоренятся они – куда равенство денется?»)

В стремлении к народной правде, в ревностном служении литературе писатель никогда не останавливался на полпути, как бы ни были суровы те выводы, к которым он приходил, в конечном счете. Немногие любили своих героев так, как Шолохов, но еще реже писали страшную правду о них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенной работы можно сделать следующие выводы:

Язык романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» неординарен и метафоричен. При этом с метафоричностью сочетается простота синтаксиса, текст написан преимущественно короткими, простыми предложениями. В нем широко используется диалектная (казачья) лексика, просторечия.

В романе активно используются фразеологизмы и фразеологические обороты, преимущественно «казачьих» персонажей. Шолохов использует все типы фразеологических оборотов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Часто употребляются фразеологизированные обороты (особенно просторечные) и просторечные фразеологизмы. В романе преобладают исконные, разговорно-бытовые обороты. Обороты, заимствованные из других языков, практически не встречаются.

М.А. Шолохов в своем романе активно использует слова-символы, при этом можно выделить слова-символы, используемые казаками, «красными» и «белыми». Это выгодно отличает его от других советских писателей того времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского ун-та, 1964.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.

3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. Жуков В.П., Жуков А.В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Л., 1980.
5. Толикина Е.Н. О природе и характере синонимических связей фразеологической единицы и слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.-Л., 1966.
6. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 1-4. М., 1978.